

ДЖОН СКАЛЬЦИ.

John W. Campbell
Award

Молодость эфемерна.
Опыт бесценен.

ВОЙНА
СТАРИКА

fanzon

Джон Скальци

Война старика

Серия «Fanzon. Пространство Скальци»

Серия «Война старика», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156114

Война старика: Эксмо, Домино; М; 2022
ISBN 978-5-04-174119-8

Аннотация

Премия John W. Campbell Award.

Лауреат премий Stalker и Geffen.

Финалист премий Locus, Hugo и Seiun.

Джон Перри сделал две вещи в свой 75-й день рождения. Сначала он посетил могилу своей жены. Потом он завербовался в армию.

Есть две новости. Хорошая новость: человечество наконец-то добралось до звезд. И плохая новость: планет, пригодных для жизни, мало, а инопланетных видов, готовых за них сражаться, много. Вдали от Земли война продолжается десятилетиями: жестокая, кровавая, неизменная.

Ответственным за защиту человечества Силам самообороны колоний не нужны молодые люди; им нужны люди, обладающие знаниями и навыками, накопленными за десятилетия жизни.

Джон Перри уверен, что знает, чего ожидать. Но настоящая борьба намного, намного сложнее, чем он может себе представить. И Джон даже не представляет, кем станет.

«Захватывающий, превосходный и оригинальный роман. „Звездный десант” без нравочений. „Вечная война”, но с сексом получше. Это забавно, это грустно, и это ново». – *Кори Доктороу*

«Скальци уверенно обходит стороной большинство клише военной научной фантастики, создает быстро меняющиеся боевые сцены и уделяет внимание науке, лежащей в основе его послышки». – *San Francisco Chronicle*

«Классика НФ, увиденная с современной точки зрения, – стремительное путешествие по пугающей, враждебной вселенной». – *Роберт Чарльз Уилсон*

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Джон Скальци

Война старика

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Риган Эвери, моей первой и самой замечательной
читательнице. И, как всегда, Кристине и Афине.*

Часть первая

1

В семьдесят пятую годовщину со дня моего рождения я сделал две вещи. Посетил могилу жены. А потом вступил в армию.

Первое оказалось менее драматичным событием, чем второе.

Кэти покоится на кладбище Харрис-крик, расположенном в миле от дома, где я живу и где обитала наша семья. Ни она, ни я не рассчитывали на предстоящие похороны и не зарезервировали место заранее. Спорить с распорядителем было смертельно (как раз то самое слово!) унижительно. Дело кончилось тем, что мой сын Чарли, который, так уж получилось, оказался мэром нашего города, пригрозил, что разобьет пару-тройку голов, и все-таки раздобыл участок. В том, что ты отец мэра, есть определенные преимущества.

Итак, могила. Простая и незаметная, с маленькой табличкой вместо памятника. Словно для контраста, Кэти положили рядом с Сандрой Кэйн, которую все и всегда называли Сэнди. Здесь возвышается громадный надгробный камень из отполированного черного гранита с фотографией Сэнди, сделанной еще в те времена, когда она училась в школе. На

передней грани памятника нанесена пескоструйным аппаратом слезливая цитата из Китса насчет смерти, не щадящей молодость и красоту. В этом вся Сэнди – со всеми потрохами. Кэти наверняка немало развлеклась бы, знай она, что Сандра со своим гранитным монументом припарковалась рядом: на протяжении всей жизни Сэнди вела забавное пассивно-агрессивное соперничество с нею. Если Кэти приходила на местную ярмарку домашней выпечки и приносила пирог, Сэнди притаскивала сразу три и не на шутку злилась, когда изделие Кэти продавалось раньше. Возможно, Кэти стоило попробовать решить эту проблему, купив один из пирогов Сэнди. Хотя трудно сказать, к какому это привело бы результату. Не исключено, что, с точки зрения Сандры, это было бы еще хуже.

Мне кажется, что надгробный памятник Сэнди можно считать последним словом в этом диспуте, таким заключительным аргументом, который уже не может быть опровергнут, потому что как-никак Кэти мертва. С другой стороны, я что-то не могу припомнить, чтобы кто-нибудь навещал Сандру Кэйн. Через три месяца после ее смерти Стив Кэйн продал дом и перебрался в Аризону. При этом его физиономию распирала улыбка шириной в автомагистраль № 10. Спустя некоторое время я получил от него открытку; он сошелся с женщиной, которая пятьдесят лет назад была порнозвездой. После получения этой немногословной информации я неделю чувствовал себя грязным. Дети и внуки Сэнди живут в

соседнем городе, но с тем же успехом они могли бы обитать и в Аризоне – судя по тому, насколько редко они бывают на кладбище. Скорее всего, строки из Китса, начертанные на гранитной плите Сэнди, после похорон не читал никто, кроме меня, когда я проходил мимо.

На могильной табличке Кэти написано ее имя – Кэтрин Ребекка Перри, – даты рождения и смерти и слова: «ЛЮБИМАЯ ЖЕНА И МАТЬ». Я снова и снова перечитываю их при каждом посещении кладбища. Ничего не могу поделать: эти четыре слова так неполно и притом с такой идеальной точностью подводят итог ее жизни. Эта фраза ничего не скажет вам о ней: о том, как она встречала каждый день, как работала, чем интересовалась, где любила путешествовать. Вы никогда не узнаете, каким был ее любимый цвет, какую прическу она предпочитала, как голосовала на выборах, каким было ее чувство юмора. Вы не узнаете о ней ничего, за исключением того, что она была любима. И это правда. Кэти сочла бы, что этого вполне достаточно.

Я ненавижу визиты сюда. Мне ненавистно то, что женщина, бывшая моей женой на протяжении сорока двух лет, мертва. Что как-то субботним утром на кухне она размешивала в миске тесто для вафель и рассказывала мне о споре, который разгорелся накануне вечером на собрании правления библиотеки, а в следующую минуту уже лежала на полу, дергаясь в конвульсиях, потому что кровоизлияние разрушило мозг. Мне непереносимо, что ее последними слова-

ми были: «Черт побери, куда же я подевала ваниль?..»

Я ненавижу, что сделался одним из тех стариков, которые ходят на кладбище, чтобы побыть со своей умершей женой. Когда я был намного моложе, то не раз спрашивал Кэти, в чем же может быть смысл таких походов. Груда гнилого мяса и костей, которые когда-то были человеком, – это уже вовсе не человек, это всего лишь груда гнилого мяса и костей. Человек уходит на небеса или в ад, становится всем или – ничем. С таким же успехом можно навещать бок говяжьей туши. С годами понимаешь, что все это, конечно, верно. Только не имеет уже никакого значения. Просто у тебя есть то, что есть.

Я и ненавижу кладбище, и благодарен ему одновременно. Мне ужасно не хватает моей жены. Куда легче тосковать по ней на кладбище, где она существует только мертвая, нежели во всех тех местах, где она бывала живой.

Я пробыл там недолго. Ровно столько, чтобы почувствовать, что боль все так же остра, несмотря на почти восемь прошедших лет, и также осознать, что у меня еще много дел, которые нужно делать, а не торчать здесь, как старый никчемный дурак. Я повернулся и пошел прочь, не оглядываясь. Это был мой последний визит на кладбище, но мне совершенно не хотелось, чтобы Харрис-крик с этой могилой врезались в память. Потому что, как я уже сказал, здесь Кэти существует только мертвая. И, значит, воспоминания об этом месте не имеют никакого значения.

Хотя, если подумать, зачисление в армию тоже не отличалось особым драматизмом.

Мой город слишком мал для того, чтобы иметь собственную вербовочную контору. Поэтому мне пришлось отправиться в Гринвилл, окружной центр. Контора по набору рекрутов занимала небольшое помещение в длинном здании, заполненном магазинами и офисами. По одну сторону располагался вход в казенный винный магазин, а по другую – заведение татуировщика. Если совершить обход этих заведений в неверном порядке, то завтра утром может выясниться, что ты вляпался в более или менее серьезные неприятности.

Внутри контора была еще менее привлекательна, если, конечно, такое возможно. В небольшую комнатку были впихнуты два стола и восемь обшарпанных стульев. Компьютер и принтер, занимавшие тот стол, что побольше, почти скрывали сидящего за ним человека. Маленький столик у стены оказался завален информационными проспектами и старыми номерами «Тайм» и «Ньюсуик». Мы с Кэти побывали здесь десять лет тому назад, но, по-моему, все осталось на прежних местах; изменились лишь даты на журналах. И, похоже, человек за столом тоже был новым. По крайней мере, я не помню, чтобы у предыдущего вербовщика была такая пышная прическа. И такая внушительная грудь.

Вербовщица была занята. Она печатала что-то на компьютере и не потрудилась поднять голову, когда я вошел, лишь побормотала, услышав звук открывающейся двери:

– Подождите, сейчас я вами займусь, – что было, судя по всему, реакцией на звук и служило прекрасным подтверждением павловской теории условных рефлексов.

– Не торопитесь, – ответил я. – Я знаю, что место для меня забронировано.

Эта острота с легким налетом сарказма осталась незамеченной и неоцененной, но все же приятно было ощутить, что я не до конца утратил форму. Я сел перед столом и стал ждать.

– Вы пришли или отправляетесь? – спросила женщина, все так же не глядя на меня.

– Прошу прощения?

– Пришли или отправляетесь? – повторила она. – Пришли, чтобы сделать заявление о намерении вступить в ряды, – раздельно произнесла вербовщица, – или отправляетесь начать службу?

– Ах, так... В таком случае, пожалуй, отправляюсь.

Это наконец заставило ее оторвать взор от экрана и посмотреть на меня сквозь довольно толстые стекла очков.

– Вы – Джон Перри, – сказала она.

– Совершенно верно. Но как вы догадались?

Она снова взглянула на экран компьютера.

– По большей части люди, желающие завербоваться, являются в свой день рождения, несмотря даже на то, что у них есть в запасе еще тридцать дней для выполнения всех формальностей. Сегодня день рождения только у трех человек.

Мэри Вэлори уже позвонила и отказалась подписывать контракт. А на Синтию Смит вы не похожи.

– Очень приятно это услышать.

– И так как вы пришли не для заключения предварительного соглашения, – продолжала она, полностью игнорируя мою вторую попытку сострить, – логично будет предположить, что вы – Джон Перри.

– Я могу быть просто одиноким стариком, заглянувшим к вам наугад, чтобы немного поболтать.

– Таких у нас бывает крайне мало, – ответила женщина. – Они изрядно боятся детишек с демоническими татуировками, которые разместились рядом.

Она наконец отодвинула клавиатуру и обратила все внимание на меня.

– Ну что ж. Будьте добры, покажите какое-нибудь удостоверение личности.

– Но вы ведь уже догадались, кто я такой.

– Мне надо знать наверняка.

В ее словах не было даже малейшего намека на улыбку. Очевидно, необходимость ежедневно иметь дело со старыми болтливыми пердунами выработала в ней привычку всегда оставаться подчеркнуто серьезной.

Я предъявил водительские права, свидетельство о рождении и национальное удостоверение личности. Она достала из ящика стола планшет, подключила его к компьютеру и пододвинула ко мне. Несколько секунд я сидел неподвижно, ожи-

дая окончания сканирования ладони. Женщина тем временем сунула мое удостоверение личности в гнездо, находившееся сбоку на клавиатуре, – несомненно, чтобы сверить показания своего прибора с теми, что были заложены в мою карточку.

– Вы – Джон Перри, – сказала она после долгой паузы.

– Ну, вот мы и вернулись к тому, с чего начали, – заметил я.

И опять она не обратила внимания на шутку.

– Десять лет назад, во время ознакомительной процедуры, предшествовавшей подписанию вами заявления о намерении, вам была предоставлена информация о Силах самообороны колоний и о долге и обязательствах, которые вы примете на себя, вступив в ряды ССК, – продекламировала она.

По ее тону было ясно, что эти слова ей приходится произносить каждый день на протяжении большей части ее профессиональной деятельности.

– В дополнение к этому за истекший период времени вам направлялись материалы, дополненные свежей информацией, предназначенной для того, чтобы напомнить о долге и обязательствах, с которыми вы должны будете согласиться. Нуждаетесь ли вы в дополнительной информации относительно данного пункта или же готовы заявить, что полностью понимаете долг и обязательства, которые намерены возложить на себя? Хочу поставить вас в известность, что вы не подвергнетесь никаким штрафным санкциям в случае, если

запросите наиболее современные материалы или же решите не вступать в ряды ССК в данный момент.

Я вспомнил ознакомительную сессию. Первая часть заключалась в том, что кучка пожилых горожан расположилась на складных стульях в зале Гринвиллского городского клуба, чтобы жевать пончики, запивая их кофе, и слушать аппаратчика ССК, который монотонно рассказывал об истории космических колоний человечества. Затем он раздал присутствовавшим брошюры о жизни военнослужащих ССК. Судя по тощим книжечкам, эта жизнь мало чем отличалась от военного быта в любой другой армии. Задавая вопросы, мы узнали, что он никогда не служил в ССК, а был нанят лишь для проведения таких вот просветительских мероприятий в долине Майами.

Второй частью ознакомительной сессии оказалось краткое медицинское обследование. Явился доктор, который взял у меня кровь, соскоб с внутренней части щеки и сделал сканирование мозга. Очевидно, я был признан годным. С тех пор я ежегодно получал по почте точно такую же брошюру, как та, которую мне дали на первом собеседовании. Начиная со второго экземпляра, я стал их выбрасывать. И с тех пор не раскрыл ни одной.

– Я понимаю, – сказал я.

Она кивнула, достала из ящика несколько листов, ручку и придвинула все это ко мне. Документ содержал ряд пространных параграфов, под каждым из которых было остав-

лено место для подписи. Нечто похожее я подписывал десять лет тому назад, чтобы подтвердить, что я понял, во что влипаю.

– Я сейчас зачитаю вам нижеследующие параграфы, – сказала женщина. – В конце каждого, если вы понимаете и соглашаетесь с тем, что было прочитано, прошу вас подписаться и проставить дату в специально отведенной строчке. Если у вас есть вопросы, будьте любезны задавать их *после* окончания чтения данного пункта. Если в итоге вы чего-то не поймете или с чем-то не согласитесь, не подписывайте документ. Пока все понятно?

– Да, – ответил я.

– Очень хорошо, – констатировала она. – Параграф первый: я, нижеподписавшийся, признаю и отдаю себе полный отчет в том, что я, свободно и по собственной воле, без всякого принуждения, изъявляю желание вступить в ряды Сил самообороны колоний на срок службы не менее двух лет. Помимо этого я понимаю, что срок службы может быть продлен в одностороннем порядке Силами самообороны колоний вплоть до восьми дополнительных лет в случае состояния войны или непосредственной угрозы войны.

Пункт о продлении до десяти лет не явился новостью для меня – я все же раз или два читал присылавшиеся мне брошюры, – но сейчас задумался о том, сколько людей не обратили внимания на эти слова. А из тех, кто обратил, многие ли считали, что им действительно придется состоять на

службе столько лет. Лично я думал на этот счет, что ССК не стали бы упоминать о десяти годах, если бы не были уверены, что такой срок им понадобится. Из-за карантинных законов о колониальных войнах известно очень мало. Но даже из тех крох информации, которые доходят до нас, совершенно ясно, что в космосе сейчас вовсе не мирное время.

Я расписался.

– Параграф второй: я отдаю себе полный отчет в том, что, добровольно предлагая зачислить себя в ряды Сил самообороны колоний, я соглашаюсь иметь дело с оружием и использовать его против врагов Союза колоний, в числе которых могут оказаться и вооруженные силы других представителей человечества. Я обязуюсь на протяжении всего срока службы не отказываться иметь дело с оружием и применять его в соответствии с полученными мною приказами, не ссылаясь на религиозные или моральные соображения с целью уклониться от боевой службы.

Интересно, много ли народу вступают волонтерами в армию, а затем объявляют себя уклонистами и требуют поблажек, ссылаясь на политические или религиозные убеждения? Я расписался.

– Параграф три: я отдаю себе полный отчет и соглашаюсь с тем, что буду добросовестно и незамедлительно выполнять приказы и распоряжения вышестоящих начальников и командиров, как это предусмотрено сводом уставов Сил самообороны колоний.

Я расписался.

– Параграф четыре: я отдаю себе полный отчет в том, что, добровольно вступая в ряды Сил самообороны колоний, я соглашаюсь на любые хирургические и терапевтические операции или процедуры, которые Силы самообороны колоний считают необходимыми для повышения боевой готовности.

Этот пункт был самым главным. Именно из-за него бесчисленное множество семидесятипятилетних стариков, в числе которых сегодня оказался и я, ежегодно ставили свои подписи в этом документе.

Когда-то давным-давно я сказал моему дедушке, что к тому времени, когда я достигну его возраста, откроются возможности продлевать человеческую жизнь до поразительного срока. Он посмеялся надо мной и ответил, что в свое время тоже нисколько не сомневался в этом и тем не менее состарился и одряхлел в положенный срок. А теперь и я тоже сделался стариком. Проблема преклонных лет состоит не в том, что из строя выходит одна треклятая деталь за другой, из строя выходит все вместе, одновременно. Ты не можешь прекратить стареть. Генная терапия, пересадка органов и пластическая хирургия – все это достаточно серьезные оборонительные меры против старости. Но от времени не убежишь. Тебе ставят новое легкое, но вдруг сбой дает сердечный клапан. Ты получаешь новое сердце, а печенка увеличивается, как надувной детский бассейн. Заменишь печень – лопнет сосуд в мозгу. Вот он, козырный туз старости

– ведь люди все еще не научились пересаживать мозги.

Некоторое время назад средняя продолжительность жизни дошла до девяноста лет. Мы прибавили почти двадцать лет к библейскому «трижды по двадцать и еще десяток»¹, и тут Бог, похоже, решил топнуть ногой. Люди способны жить дольше, и довольно часто так и происходит, но, к сожалению, последние годы своей жизни человек все же немощен и болен. Так что здесь ничего не изменилось.

Посудите сами: в двадцать пять, тридцать пять, сорок пять или даже пятьдесят пять лет ты все еще можешь оптимистически расценивать свои шансы в противостоянии с миром. Когда тебе сравняется шестьдесят пять и твое тело начнет ускоренно приближаться к неизбежному физическому крушению, разговоры о таинственных «хирургических и терапевтических операциях или процедурах» уже начинают вызывать известный интерес. А потом ты подходишь к семидесятипятилетнему юбилею. Почти все твои друзья уже мертвы. Тебе заменили по меньшей мере один из главных органов. Четыре раза за ночь приходится вставать, чтобы помочиться. Ты не в состоянии подняться по одному-единственному лестничному маршу, не испытав легкого головокружения, – и при всем этом тебе говорят, что вы, мол, находитесь в довольно хорошей форме для вашего возраста!

Возможность обменять такое существование на десять

---

¹ Цитата из 90-го псалма Библии в английском переводе. В русском переводе Библии (89-й псалом) этот оборот отсутствует. (Здесь и далее – прим. перевод.)

лет полноценной жизни, пусть даже проходящей в условиях войны, начинает походить на сделку с дьяволом. Особенно стоит учесть, что если ты не согласишься на эту сделку, то через десять лет тебе сравняется восемьдесят пять. И тогда единственное различие между тобой и лежалой изюминой будет заключаться в том, что, хотя вы оба покрыты глубокими морщинами и не имеете простаты, изюмина, в отличие от тебя, простаты никогда и не имела.

Так каким же образом в ССК умеют обращать вспять процесс старения? Никто здесь этого не знает. Земные ученые, несмотря на все старания, не могут понять, как это делается, и добиться подобных результатов. Представители ССК никогда не спускаются на Землю, и поэтому ты лишен возможности побеседовать с ветераном. На планетах лишь набирают новобранцев. Одним словом, как бы там ни было, все медицинские фокусы, которые используют колонисты, изобретены в зонах, контролируемых исключительно властями ССК, вне пределов влияния глобального и национальных правительств. Поэтому никакой помощи от Дяди Сэма или кого-нибудь еще ты в своих поисках не получишь.

Время от времени законодательный орган, президент или какой-нибудь диктатор решает запретить вербовку новобранцев до тех пор, пока Силы самообороны колоний не поделятся своими секретами. Командование ССК никогда не спорит; оно упаковывает имущество своих представительств и освобождает помещения. В один прекрасный день

все семидесятипятилетние жители этой страны отправляются за рубеж в продолжительную турпоездку, из которой так и не возвращаются. ССК не дает никаких объяснений, никаких намеков, никакой почвы для догадок. Если ты хочешь узнать, как они снова делают людей молодыми, ты должен подписать договор.

Я расписался.

– Параграф пятый: я отдаю себе полный отчет в том, что, вступая в ряды Сил самообороны колоний, я прекращаю свое гражданство в качестве субъекта национальной, политической и правовой среды, в данном случае Соединенных Штатов Америки, а также лишаюсь привилегии постоянного обитателя, которая позволяет мне проживать на планете Земля. Я отдаю себе полный отчет в том, что мое гражданство будет впредь передано в общую юрисдикцию Союза колоний и локальную – Сил самообороны колоний. Я далее признаю и отдаю себе полный отчет в том, что, прекращая мое местное гражданство и отказываясь от планетарной привилегии постоянного обитателя, я попадаю под безусловный запрет последующего возвращения на Землю и после завершения моего срока службы в составе Сил самообороны колоний останусь на постоянное жительство в любой колонии, куда буду распределен Союзом колоний и/или Силами самообороны колоний.

Более понятно содержание этого параграфа можно передать одной фразой: ты никогда больше не вернешься домой.

Это ключевой пункт карантинных законов, которые были введены Союзом колоний и ССК под официальным предложением защиты Земли от различных ксенобиологических происшествий наподобие эпидемии болезни Кримпа. В то время все обитатели Земли единодушно поддержали этот закон. Даже смешно подумать, насколько недалеким становится в массе своей население планеты, когда треть ее мужского населения в течение всего лишь года лишается способности к продолжению рода. Теперь люди относятся к своей изоляции с куда меньшим энтузиазмом: им стало скучно на Земле, они хотят посмотреть, что делается в других частях Вселенной. Бездетный Великий Дядюшка Уолт давно и прочно забыт. Но ни у кого, кроме Союза колоний и ССК, нет космических кораблей со скачковыми приводами, позволяющими осуществлять межзвездные путешествия. Такие вот дела.

Из-за этого соглашение о колонизации какого-то места, на которое тебе укажет Союз колоний, превращается в чистой воды формальность: ты волей-неволей отправляешься туда, куда тебя везут. Будущему колонисту не стоит рассчитывать на то, что ему позволят самому вести звездолет.

Побочным эффектом карантинных законов и монополии на скачковые приводы является практическая невозможность осуществления связи как между Землей и колониями, так и между самими колониями. Единственный способ – пересылка сообщений на судах со скачковым приводом. Хотя ССК не слишком охотно соглашаются на подобные контак-

ты между планетарными правительствами, но других вариантов просто не существует. Вернее, можно установить тарелку радиотелескопа и ждать, пока она перехватит соответствующие сигналы. Но даже до Альфы – ближайшей к Земле колонии – восемьдесят три световых года. Так что обменяться с соседней планетой сплетнями насчет последних событий не так-то просто.

Я никогда не любопытствовал на этот счет, но все же склонен считать, что именно этот параграф заставляет большинство отказываться от своего первоначального намерения. Одно дело решить, что ты снова хочешь стать молодым, и совсем другое – навсегда отвернуться от всего, что ты когда-либо знал, от всех, с кем когда-либо встречался и кого любил, от всего опыта, накопленного на протяжении семи с половиной десятилетий. Попрощаться со всей своей минувшей жизнью – чертовски непростое дело.

Я расписался.

– Параграф шестой и заключительный, – прочитала вербовщица. – Я знаю и отдаю себе полный отчет в том, что через семьдесят два часа после окончательного подписания этого документа или же после моего выезда с Земли посредством транспорта Сил самообороны колоний, независимо от того, что произойдет раньше, я буду считаться умершим, согласно положениям закона на территории всех политических субъектов, с которыми в настоящее время осуществляю юридическое взаимодействие; в данном случае – шта-

та Огайо и Соединенных Штатов Америки. Все без исключения материальные активы, имеющиеся в моей собственности, поступят в распоряжение соответствующих органов, согласно положениям закона. Все обязательства или ответственность перед законом, которые, согласно действующему законодательству, должны быть аннулированы в связи со смертью гражданина, аннулируются. Все предыдущие юридические документы, равно как благоприятного, так и порочащего характера, будут тем самым отменены. Все имеющиеся долговые обязательства будут, согласно закону, списаны. Я знаю и отдаю себе полный отчет в том, что, если я еще не принял должных мер для перераспределения моих активов, то по моему запросу Силы самообороны колоний обеспечат меня юридической и финансовой помощью, которая позволит завершить необходимые процедуры в течение семидесяти двух часов.

Я расписался. Теперь мне осталось жить семьдесят два часа. Фигурально выражаясь.

– Что будет, если я не покину планету в течение семидесяти двух часов? – осведомился я, возвращая бумаги вербовщице.

– Ничего, – ответила она, забирая листочки. – За исключением того, что поскольку вы с юридической точки зрения мертвы и вся ваша собственность будет передана новым владельцам, согласно вашему волеизъявлению, то ваши права на пользование услугами здравоохранения и различные со-

циальные блага будут отменены или переданы наследникам. Как юридический мертвец вы не имеете никакого законного права на защиту со стороны общества от любых посягательств, начиная от клеветы и кончая убийством.

– Получается, что кто-нибудь может запросто подойти и прикончить меня и это не будет иметь никаких юридических последствий?

– Думаю, не так, – сказала женщина, задумавшись на пару секунд. – Если кто-нибудь убьет вас, когда вы будете юридически мертвы, то, полагаю, здесь, в штате Огайо, это может быть расценено как осквернение могилы.

– Восхитительно, – усмехнулся я.

– Однако, – продолжала она до отвращения равнодушным тоном, – обычно до таких крайностей дело не доходит. В любой момент – до истечения семидесяти двух часов – вы можете просто-напросто отменить свое решение о вступлении в армию. Достаточно позвонить мне сюда. Если меня не окажется на месте, назовите автоответчику свое имя. Как только мы удостоверимся, что с просьбой об аннулировании вербовочного документа обратились именно вы, договор будет расторгнут. Только имейте в виду, в таком случае вы навсегда лишаетесь возможности завербоваться. Повторная процедура невозможна.

– Это я тоже понял, – сказал я. – Теперь вы, наверно, должны привести меня к присяге?

– Ничего подобного, – отрезала женщина. – Я должна все-

го лишь обработать эту форму и вручить вам билет.

Она снова склонилась к своему компьютеру, несколько минут печатала, а затем нажала «ВВОД».

– Сейчас компьютер оформляет ваш билет, – пояснила она. – Это займет несколько минут.

– Отлично, – отозвался я. – Вы позволите мне задать вам вопрос?

– Я замужем, – резко бросила она.

– Вообще-то я собирался спросить совсем не об этом. А что, к вам действительно обращаются с такими предложениями?

– Все время, – с ударением заявила она. – Это ужасно раздражает.

– Сочувствую вам, – сказал я.

Она кивнула в ответ.

– Но я собирался спросить, приходилось ли вам когда-нибудь встречаться хоть с кем-нибудь из ССК.

– Вы имеете в виду, кроме новобранцев?

Я кивнул.

– Нет. ССК содержит здесь корпорацию, которая занимается вербовкой, но никто из нас не числится в армии. Я думаю, даже генеральный директор. Мы получаем всю информацию и материалы от сотрудников посольства Союза колоний, а не напрямую из ССК. По всей видимости, они вообще не бывают на поверхности Земли.

– А вас не тревожит, что вы работаете на организацию, с

которой никогда не имели прямого контакта?

– Нет. Работа нормальная, а платят просто на удивление хорошо, особенно если учитывать, как мало денег они тратят на содержание этой лавочки. Но ведь и вы собираетесь вступить в организацию, о которой не знаете ровным счетом ничего. Вас это не тревожит?

– Нет, – признался я. – Я уже стар, моя жена умерла, и я не вижу особых причин оставаться здесь дальше. Вы-то сами намерены записаться, когда придет время?

Женщина пожала плечами:

– Я ничего не имею против старости.

– Я тоже ничего не имел, пока был молод. Эта мысль пришла ко мне вместе со старостью.

Принтер ее компьютера негромко зажужжал, и из него выползла картонка делового вида, похожая на банковскую карточку.

– Вот ваш билет. Он же служит удостоверением личности. Тут написано, что вы Джон Перри, новобранец ССК. Не потеряйте. Ваш шаттл отбывает прямо от этого офиса через три дня. Вас доставят в Дейтонский аэропорт. Отправление в восемь тридцать утра. Мы надеемся, что вы подойдете сюда заранее. Вам разрешат взять только одну не слишком большую сумку, так что постарайтесь тщательно отобрать вещи.

Из Дейтона вы одиннадцатичасовым рейсом вылетите в Чикаго. Там в два часа дня будет пересадка на Найроби. Разница во времени с Найроби составляет девять часов, значит,

вы прилетите туда примерно в полночь по местному времени. Вас встретит представитель ССК, и у вас будет выбор: или двигаться дальше по «бобовому стеблю», который отправляется в два часа ночи, или отдохнуть и отправиться девятичасовым «стеблем». А там вы окажетесь уже в руках ССК.

Я взял билет.

– Что мне делать, если какой-нибудь из этих перелетов задержат или отменят?

– За все пять лет, которые я тут работаю, ни один рейс не задержался хотя бы на минуту.

– Ого! – воскликнул я. – Готов держать пари, что поезда у ССК тоже всегда ходят строго по расписанию.

Она посмотрела на меня ничего не выражающим взглядом.

– Вы знаете, – сознался я, – все время, пока я здесь находился, я пытался как-нибудь сострить.

– Я знаю, – ответила женщина. – К великому сожалению, чувство юмора у меня хирургически ампутировали еще в раннем детстве.

– О... – протянул я.

– Это шутка. – Она поднялась и протянула мне руку.

– О... – повторил я и пожал расслабленную ладонь.

– Поздравляю вас, новобранец, – сказала она. – Желаю вам удачи там, на звездах. Я говорю совершенно искренне, – добавила она.

– Спасибо, – ответил я, – я это ценю.

Женщина кивнула и тут же снова села и уставилась в экран компьютера. Это значило, что я получил разрешение уйти.

Выйдя на улицу, я увидел пожилую женщину, которая пересекала площадку для стоянки машин, направляясь к двери вербовочной конторы.

– Синтия Смит? – спросил я, подходя к ней.

– Да, – удивилась она. – А откуда вы знаете?

– Я только хотел поздравить вас с днем рождения, – сказал я и указал в небо. – Возможно, мы с вами еще встретимся там.

Она улыбнулась, поняв, что я имел в виду. Все же сегодня мне удалось заставить улыбнуться хотя бы одного человека. Дела, похоже, налаживались.

2

Найроби буквально выдернули из-под нас, и город быстро уходил вниз. Мы поднимались, как на скоростном лифте (которым, собственно говоря, «бобовый стебель» и является), и смотрели на отползающую в сторону Землю.

– Отсюда они похожи на муравьев! – кудахтал рядом со мной Леон Дик. – На черных муравьев!

Я испытывал сильнейшее искушение разнести вдребезги стекло и вышвырнуть Леона наружу. Увы, стекла, которое можно было бы разбить, просто не имелось. То, что выполняло в «бобовом стебле» роль окна, представляло собой тот же самый композитный материал, превосходящий по твердости алмаз, из которого состояла вся платформа. Просто часть ее была сделана прозрачной, чтобы путешественники могли видеть, что происходит внизу. Преимущества этой герметичной платформы мы смогли оценить уже через несколько минут, когда оказались на такой высоте, что трещина в окне вызвала бы взрывную декомпрессию, гипоксию и смерть.

Так что Леону не светило очень быстрое и совершенно неожиданное возвращение в объятия Земли. Очень жаль. Этот жирдяй прилип ко мне в Чикаго, словно толстый клещ, насосавшийся пива и набитый баварскими сардельками. Я был немало изумлен, что человек, кровь которого наполовину состояла из свиного жира, ухитрился прожить семьдесят

пять лет. Значительную часть полета до Найроби он громко пукал и мрачно разъяснял мне свою теорию расового состава колоний. Звуки, которые он издавал своим задом, были самой переносимой частью его монолога. Эх, надеть бы сейчас наушники и спокойно слушать в полете какую-нибудь музыку.

На вид Леон Дик казался одним из тех парней, которые никак не могут обойтись без хорошего отдыха после того, как проведут целый день «под газом». Поэтому в надежде отвязаться от него я решил отправиться из Найроби с первым «бобом». Но я жестоко ошибся. И сейчас мысль о том, что мне придется провести рядом с ним еще шесть часов, слушая дурацкую болтовню и нюхая его бздень, была совершенно невыносимой. Пришлось сказать единственную вещь, которую он все же должен был принять во внимание: мне необходимо пойти облегчиться. Леон невнятно хрюкнул, что, видимо, означало позволение. Я побрел примерно туда, где находились туалетные комнаты, пытаюсь отыскать место, где можно было бы скрыться от Леона.

Это оказалось не так-то легко. Платформа «боба» представляла собой бублик диаметром около ста футов. Дырка его, через которую проходил «бобовый стебель» (вы, конечно, помните детскую сказку о том, как бобовое зернышко проросло на полу бедной лачуги, стебель дорос до неба и хозяин лачуги, забравшись туда, раздобыл неслыханное богатство), имела примерно футов двадцать в поперечнике. Диа-

метр троса был, очевидно, немного меньше: где-то футов восемнадцать, что, если задуматься, явно недостаточно для веревки длиной в несколько тысяч миль. На остальной части пространства размещались удобные кабинки и кушетки, где можно было сидеть и болтать, а также небольшие площадки для просмотра телепередач, еды или игр. Многие участки в стенах оставались прозрачными, позволяя наблюдать уплывавшую вниз Землю, другие тросы «бобового стебля» и колониальную станцию вверху.

В целом платформа очень походила на вестибюль популярной гостиницы экономического класса, вдруг оказавшейся на геостационарной орбите. Единственная проблема состояла в том, что из-за открытой планировки здесь было трудно спрятаться. Этот рейс был не слишком загруженным, так что среди других пассажиров тоже нельзя было укрыться. В конце концов я решил что-нибудь выпить у киоска, расположенного возле центра платформы, примерно напротив того места, где остался Леон. Поскольку прямой видимости здесь не было, то и шансы подольше прятаться от него казались наилучшими.

В физическом плане расставание с Землей оказалось довольно нервным событием – благодаря редкостно неприятному обществу Леона, – зато с эмоциональной стороны все прошло на удивление легко. Еще год назад я твердо решил, что да, я завербуюсь в ССК, и с тех пор мне оставалось лишь делать какие-то необходимые поступки и понемногу

прощаться с окружающими. Десять лет назад мы с Кэти записали нашего сына Чарли совладельцем дома вместе с нами, чтобы он мог вступить в права собственности без всяких формальностей, связанных с рассмотрением и утверждением завещания. Кроме того, у нас не было никакого имущества, представлявшего реальную ценность, – одни только безделушки из числа тех, которые накапливаются едва ли не у каждого человека на протяжении жизни. Большую часть мало-мальски достойных вещей я за минувший год раздал друзьям и родственникам, с остальным придется разбираться Чарли.

Прощание с людьми тоже не было тяжелым. Все реагировали на известие с разной степенью удивления и печали, так как доподлинно знали, что человек, вступивший в Силы самообороны колоний, никогда не вернется назад. Но это во все не похоже на смерть. Все знают, что где-то там ты все еще жив. Черт возьми, да ведь не исключено, что через некоторое время они отправятся тем же маршрутом и даже встретятся где-нибудь с тобой. Как мне представляется, эти ощущения похожи на то, что люди испытывали сотни лет назад, когда кто-нибудь из знакомых нагружал фургон и отправлялся на запад. Оставшиеся плакали и горевали, скучали по уехавшим, но потом неизбежно возвращались к своим делам.

Что касается меня, то я начал оповещать знакомых о предстоящем отбытии за год до срока. Год – вполне достаточное время, чтобы сказать все, что считаешь нужным, уладить де-

ла и помириться с кем-нибудь, с кем ты в ссоре. Я посидел со многими старыми друзьями и родственниками, разбередил немало старых ран и болячек, причем почти во всех случаях это окончилось хорошо. Несколько раз я просил прощения за что-то такое, в чем не чувствовал себя особенно виноватым, и даже оказался в постели с одной женщиной, чего при иных обстоятельствах, скорее всего, не случилось бы. Ты просто делаешь то, что должен, чтобы немного приблизить людей к себе; они благодаря этому чувствуют себя лучше, а тебе это ровным счетом ничего не стоит. Я предпочитаю принести извинения за что-нибудь такое, чему всю жизнь не придавал ровно никакого значения, и оставить на Земле еще одного человека, желающего мне добра, чем упрямитесь и добиться лишь того, чтобы кто-то из остающихся радостно представлял себе, как какой-нибудь чужак вышибает мне мозги. Можно назвать это страхованием кармы.

Чарли вызывал у меня наибольшее беспокойство. Как у многих родителей с детьми, у нас имелись свои заморочки: я был не самым внимательным отцом, а он – не самым собранным и целеустремленным сыном. Свою дорогу в жизни он выбрал, когда ему перевалило далеко за тридцать. Впервые узнав о нашем с Кэти намерении вступить в ССК, Чарли прямо-таки взорвался. Он напомнил нам все: как мы учили его, что насилие не может служить ответом ни на что, как мы страстно выступали против Субконтинентальной войны и даже как мы когда-то целый месяц пилили его за то, что

он отправился с Биллом Янгом стрелять по мишеням. (Мы с Кэти считали, что тридцатипятилетний мужчина вполне мог бы и забыть о таком мелком происшествии.)

Наши баталии прекратились со смертью Кэти, так как и он, и я поняли, что большинство вещей, о которых мы спорили, равным счетом ничего не значат. Я был вдовцом, он – холостяком, и у нас не осталось никого, кроме друг друга. Однако вскоре после этого он познакомился с Лайзой и женился на ней, а спустя еще примерно год стал отцом и был вновь избран мэром. Оба события произошли в один и тот же невероятно беспокойный вечер. Чарли поздно созрел, зато плод получился прекрасный. У нас с ним состоялся собственный прощальный ужин, во время которого я попросил прощения за кое-какие вещи, случившиеся в прошлом (искренне), а также сказал ему (столь же искренне), насколько я горжусь тем, что он стал таким, каким стал. Потом мы сидели на крыльце, потягивали пиво, смотрели, как мой внук Адам неловко пинает на газоне теннисный мячик, и долго-долго говорили о всяких пустяках. Мы расстались хорошо и с любовью, а чего же еще хотеть от отношений между отцом и сыном?

Я стоял у киоска с банкой коки в руке, думая о Чарли и его семье, когда услышал ворчание Леона и еще один голос – низкий, резкий и, бесспорно, женский, – говоривший что-то в ответ. Против собственной воли я выглянул. Леон совершенно бесцеремонно притиснул к углу какую-то несчастную

женщину и, вне всякого сомнения, посвящал ее в очередную тупейшую теорию, только что порожденную его спинным мозгом. Рыцарское начало возобладало над желанием скрыться, и я направился к этой паре, чтобы вмешаться.

– Я только хочу сказать, – занудствовал Леон, – что совершенно несправедливо заставлять вас, меня и любого другого американца ждать, пока мы станем старыми, как дерьмо, чтобы получить шанс отправиться туда. А все эти жалкие индусы вылетают в новые миры с такой скоростью, с какой они успевают размножаться. Это чертовски большая скорость. Разве это справедливо? Вы находите это правильным?

– Нет, я так не думаю, – ответила женщина. – Но они, видимо, тоже не считают справедливым то, что мы стерли Нью-Дели и Мумбаи с лица земли.

– Так я же как раз об этом и говорю! – воскликнул Леон. – Мы засыпали атомными бомбами этих безмозглых сволочей! Мы выиграли войну! Должна же победа хоть что-нибудь значить! И что же теперь получается? Мы их раздолбали, но они теперь могут отправляться колонизировать Вселенную, а мы – только завербоваться защищать их! Конечно, простите, что я об этом заговорил, но разве в Библии не сказано прямо: «кроткие унаследуют землю»? Я бы сказал, что те, кто проигрывает войну, должны быть такими кроткими, что дальше некуда.

– Я не думаю, что в этой фразе содержится именно тот смысл, какой вы хотите ей придать, Леон, – произнес я, по-

дойдя поближе.

– Джон! Ну, вот наконец-то человек, который знает, о чем я говорю, – радостно заявил Леон, ослабившись в мою сторону.

Женщина повернулась ко мне.

– Вы знакомы с этим джентльменом? – спросила она, причем по ее голосу было совершенно ясно, что если это правда, то со мной наверняка что-то не так.

– Мы познакомились во время полета до Найроби, – ответил я, слегка приподняв бровь, чтобы подчеркнуть, что во все не по доброй воле выбрал его себе в компаньоны. – Позвольте представиться, Джон Перри.

– Джесси Гонсалес.

– Необыкновенно приятно, – улыбнулся я и повернулся к Леону. – Вы неправильно толкуете это высказывание. Слова, которые вы привели, взяты из Нагорной проповеди. Полностью фраза звучит так: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Наследование земли рассматривается здесь как награда, а не как наказание.

Леон некоторое время моргал, а потом громко фыркнул.

– И все равно, это же мы их побили. Мы надрали их костлявые коричневые задницы. Это мы должны колонизировать Вселенную, а вовсе не они.

Я открыл было рот, чтобы ответить, но Джесси опередила меня:

– «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие

Небесное», – процитировала она, обращаясь к Леону, но поглядывая искоса на меня.

Леон с минуту стоял онемев и переводя взгляд то на меня, то на нашу новую знакомую.

– Вы не можете говорить серьезно, – сказал он наконец. – В Библии нет ни слова о том, что мы должны быть привязаны к Земле, в то время как эта толпа чернозадых, которые даже не верят в Иисуса – это подумать только! – расплзается по Галактике. И там, конечно, ничего не говорится о том, что мы должны защищать этих мелких ублюдков! Господи! У меня сын побывал на той войне. Кто-то из этой погани отстрелил ему яйцо! Его яйцо! Они заслужили то, что получили, сучьи дети! И не говорите, что я должен быть счастлив спасать их никчемные задницы там, в колониях.

Джесси подмигнула мне.

– Не хотите ответить на это?

– Если вы не возражаете.

– О,нисколько, – с готовностью отозвалась она.

– «Я говорю вам: любите врагов ваших, – процитировал я, – благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»².

Леон сделался красным, как вареный омар.

---

² Евангелие от Матфея, 5.

– Вы оба выжили из вашего гребаного ума! – рявкнул он и направился прочь так быстро, как только позволяла груда жира, составляющая его тело.

– Слава богу... – пробормотал я. – Причем я говорю это совершенно искренне.

– Вы на редкость искусно обращаетесь с цитатами из Библии, – сказала Джесси. – Вы, наверно, в прежней жизни были проповедником, да?

– Нет, – ответил я. – Но я жил в городке, где на две тысячи человек населения имелось пятнадцать церквей. Такая жизнь помогла мне овладеть этим языком. К тому же совершенно не обязательно быть религиозным человеком, чтобы высоко ценить Нагорную проповедь. А чем вы сможете оправдаться?

– Учеба в католической школе, только и всего. В десятом классе я получила ленту в награду за хорошую память. Просто удивительно, как много всякой всячины может сохранить мозг на протяжении шестидесяти лет, хотя в последнее время я не могла даже запомнить, где оставила машину, отправляясь в магазин.

– Как бы то ни было, позвольте мне принести извинения за Леона, – сказал я. – Я знаю его очень мало, но все же достаточно для того, чтобы понимать, что он круглый болван.

– «Не судите, да не судимы будете», – отозвалась Джесси, пожав плечами. – Он всего лишь произносит вслух то, о чем очень многие думают втихомолку. Я считаю, что такая точ-

ка зрения глупа и неправильна, но могу его понять. Мне самой жаль, что пришлось ждать всю жизнь, чтобы повидать колонии и в конце концов вступить в армию. Будь у меня возможность сделаться колонисткой, когда я была моложе, я бы воспользовалась ею.

– Похоже, что вы отправляетесь туда, – я ткнул рукой вверх, – не для того, чтобы наслаждаться военными приключениями.

– Конечно нет, – не без презрения в голосе ответила Джесси. – А вы записались, конечно же, потому, что испытываете нестерпимое желание повоевать?

– Нет, – честно сказал я.

Джесси кивнула.

– Вот и я тоже. Равно как и большинство из нас. Ваш друг Леон, несомненно, записался вовсе не из-за желанья повоювать с оружием – он же терпеть не может тех людей, которых мы будем защищать. Люди записываются в ССК или из-за того, что боятся смерти и не хотят быть стариками, или чтобы увидеть нечто новое перед тем как умрут. Знаете, я записалась именно поэтому. Во все не для того, чтобы сражаться или снова стать молодой. Я всего лишь хочу узнать, на что это похоже – быть где-нибудь еще.

Она повернулась и взглянула в окно.

– Если честно, мне самой смешно слышать от себя эти слова. Вы можете не поверить, но до вчерашнего дня я ни разу не выезжала за пределы Техаса.

– Не думаю, что вам стоит сильно переживать из-за этого, – ответил я. – Техас очень велик.

Она улыбнулась.

– Спасибо. Но, если честно, я вовсе не переживаю. Это всего лишь немного смешно. Когда я была маленькой, то очень любила читать все подряд романы из серии «Юный колонист», смотрела фильмы и мечтала о том, как буду разводить скот где-нибудь в системе Арктура и сражаться против жестоких земляных червей в колонии Гамма-Прайм. Мне исполнилось двенадцать лет, когда я узнала, что колонисты происходят из Индии, Казахстана, Норвегии, то есть из тех стран, которые не в состоянии обеспечивать существование населения. А я родилась в Америке, и, значит, мне не светит попасть туда. Какое разочарование! И дело было вовсе не в арктурианских коровах или земляных червях!

Она снова пожала плечами.

– Я выросла в Сан-Антонио, затем уехала учиться в колледж при Техасском университете, вернулась обратно и устроилась на работу. В конце концов вышла замуж, и каждый год мы ездили в отпуск на побережье Мексиканского залива. На тридцатую годовщину хотели поехать с мужем в Италию, но так и не поехали.

– Что же случилось?

Джесси рассмеялась.

– Его секретарша – вот что случилось. Это они в итоге отправились в Италию на медовый месяц. А я осталась дома.

С другой стороны, их путешествие закончилось в Венеции, где они оба насмерть отравились моллюсками, так что для меня все кончилось гораздо лучше. В общем, после этого я не слишком переживала, что не путешествую. Я знала, что вступлю в ССК, как только достигну нужного возраста. И вот я здесь. Хотя теперь немного жаль, что я так мало повидала на Земле. Я летела до Найроби с пересадкой в Далласе. Это было очаровательно. Хотелось бы мне, чтобы такая поездка была не единственной в моей жизни. Я не имею в виду вот это. – Она махнула рукой в сторону окна, за которым тянулись кабели «бобового стебля». – Ни разу в жизни не думала, что мне придется ехать в этой штуке. Интересно, что держит эту веревку стоймя?

– Вера, – серьезно ответил я. – Вы верите, что она не упадет, и она не падает. Только постарайтесь не думать об этом слишком много, а не то у нас всех могут случиться неприятности.

– Во что я действительно верю, – с точно такой же серьезностью сказала Джесси, – так это в то, что мне хочется перекусить. Не желаете присоединиться?

– Вера... – повторил Гарри Уилсон и весело рассмеялся. – Что ж, возможно, этот кабель и впрямь поддерживает именно вера. Поскольку я точно уверен – это может быть что угодно, но только не фундаментальная физика.

Гарри Уилсон присоединился к нам с Джесси в кабинке,

где мы расположились, чтобы поесть.

– Мне показалось, что вы знакомы друг с другом, а это здесь редкое явление, – сказал он, подойдя к нам.

Мы пригласили его составить нам компанию, и он с благодарностью согласился. Гарри двадцать лет преподавал физику в средней школе города Блумингтон в штате Индиана, и «бобовый стебель» с его «бобами» занимали его мысли с той самой минуты, как он взошел на платформу.

– Что вы имеете в виду, когда говорите, что это не физика? – вскинулась Джесси. – Это совсем не то, что я хотела бы сейчас услышать.

Гарри улыбнулся.

– Извините. Попытаюсь выразиться по-другому. Положением этого «стебля», конечно же, управляют какие-то физические законы. Только вовсе не те, к которым мы привыкли. Здесь происходит много таких вещей, каким мы на поверхности Земли не можем дать никакого объяснения.

– Я чувствую, что нам предстоит выслушать лекцию по физике, – сказал я.

– Я много лет преподавал физику подросткам. – Гарри извлек из кармана маленький блокнот и авторучку. – Больно не будет, можете мне поверить. А теперь смотрите сюда.

Он начертил полукруг внизу страницы.

– Это Земля. А это, – он нарисовал кружок примерно посередине страницы, – колониальная станция. Она находится на геостационарной орбите, то есть перемещается в точном

соответствии с вращением Земли, и потому всегда расположена над Найроби. Пока что понятно?

Мы дружно кивнули.

– Прекрасно. Идем дальше. Смысл всей этой системы, которая у нас получила название «бобовый стебель», заключается в том, что колониальная станция соединяется с Землей через этот самый пучок тросов, часть которых мы видим в окне, оснащенных подъемными платформами. На одной из них мы сейчас и находимся.

Гарри провел линию, изображающую трос, и нарисовал маленький квадратик, обозначающий нашу платформу.

– Так вот, подъемники на этих тросах не должны достигнуть скорости убегания – в этом случае они выходили бы на околоземную орбиту, как это делают грузовые ракеты. Для нас это хорошо, потому что нам не приходится добираться до колониальной станции, чувствуя себя при этом так, словно на груди стоит слон. Пока что все просто. Хитрость заключается в том, что «бобовый стебель» не подчиняется тем законам физики, по которым растут бобы на земле. С одной стороны, – Гарри продолжил линию от колониальной станции до верха страницы, – колониальная станция не имеет права находиться на конце троса. По причинам, связанным с соотношением масс и орбитальной динамикой, нужно предполагать, что трос должен тянуться еще на десятки тысяч миль за ту точку, где находится станция. Без этого противовеса система окажется непредсказуемо нестабильной и, следова-

тельно, опасной.

– А вы, значит, хотите сказать, что она не опасна? – подначил я собеседника.

– Она не только не нестабильна, а вообще, вероятно, является самым безопасным средством передвижения из всех, какие когда-либо были изобретены, – сказал Гарри. – «Бобовый стебель» непрерывно используется в течение столетия с лишним. Колонисты всегда отправляются из одного-единственного пункта. Ни разу за все эти годы не было ни какого-нибудь несчастного случая, ни отказа техники. Лишь однажды, сорок лет назад, на «бобовом стебле» прогремел взрыв, но это оказалось диверсией, никак не связанной с физической структурой самой системы. Конструкция не менее стабильна, чем в тот день, когда ее построили. Но, согласно базовым принципам известной у нас физики, так быть не должно.

– Так что же все-таки его поддерживает? – спросила Джесси.

Гарри снова улыбнулся.

– В этом и заключается весь вопрос.

– Вы хотите сказать, что не знаете этого? – продолжала наступать Джесси.

– Не знаю, – согласился Гарри. – Но это само по себе не должно представлять ни малейшей причины для тревоги, потому что я всего лишь школьный учитель физики. Вернее, бывший учитель. Однако, насколько мне известно, ни-

кто другой точно так же не имеет мало-мальски ясного представления о том, как эта штука работает. Во всяком случае, на Земле. Очевидно, в Союзе колоний об этом знают.

– Но как же такое может быть? – спросил я. – Помилуй бог, этот лифт действует уже целый век. И неужели никто не потрудился выяснить, как же он на самом деле работает?

– Конечно, пытались. Причем все эти годы вокруг «бобового стебля» не было никакой особой тайны. Когда его только начали строить, многие правительства и, конечно, пресса настаивали на том, чтобы им сообщили, как система действует. Союз колоний ответил: ради бога, выясняйте. И на этом разговоры закончились. В физических кругах попытки разрешить проблему предпринимаются непрерывно. Задачу так и назвали: «Проблема «бобового стебля».

– Не очень-то оригинальное название, – ворчливо заметил я.

– Ну, допустим, физики берегут свое воображение для других вещей, – усмехнулся Гарри. – Однако проблема так и не решена по двум основным причинам. Первая – огромная сложность задачи. Тут надо учитывать не только соотношение масс, но и прочность троса, и колебания «стебля», порожденные циклонами и другими атмосферными явлениями, и даже форму стальных канатов. Каждую из этих задач чрезвычайно трудно решить даже по отдельности, а уж во взаимосвязи – просто безнадежно.

– А какова вторая причина? – спросила Джесси.

– Вторая причина состоит в том, что нет особого смысла выяснять. Даже если нам все-таки удастся сообразить, как соорудить такую штуку, мы не сможем позволить себе подобный проект. – Гарри откинулся на спинку диванчика. – Перед тем как прийти в школу, я успел поработать в отделе гражданского строительства «Дженерал электрик». Тогда собирались проложить субатлантическую железную дорогу. Одной из моих обязанностей было изучение старых проектов и технических предложений для того, чтобы отыскать какую-нибудь технологию или методы, которые можно было бы использовать в проекте. Нечто вроде церковной епитимии, направленной на то, чтобы любыми путями сократить затраты.

– Если я не ошибаюсь, «Дженерал электрик» обанкротилась как раз на этой затее, не так ли? – спросил я.

– В таком случае вы понимаете, почему они так хотели сократить свои расходы и почему я сделался учителем. После того что случилось, «Дженерал электрик» не могла предложить ни мне, ни множеству других своих сотрудников ничего лучшего. Но это было потом. А в то время я копался в старых документах, дошел до одного засекреченного фонда и наткнулся на рапорт об исследовании «бобового стебля». «Дженерал электрик» была привлечена американским правительством в качестве независимого разработчика технико-экономического обоснования строительства «стебля» в Западном полушарии. Предполагалось расчистить в Ама-

зонии участок размером со штат Делавэр и закрепить «стебель» прямо на экваторе. «Дженерал электрик» тогда порекомендовала правительству забыть об этих планах. В отзыве было написано, что бюджет такого проекта должен будет превысить три величины годового валового национального продукта всей экономики Соединенных Штатов. И это с учетом некоторых крупномасштабных прорывов в области технологии, которые еще даже не сделаны. Я читал эту бумажку двадцать лет назад, и уже тогда она была старой – пролежала добрый десяток лет. Но я не думаю, что с тех пор затраты могли сколько-нибудь заметно понизиться. Так что не стоит ожидать появления нового «бобового стебля». Существуют более дешевые способы доставки людей и грузов на орбиту. Намного более дешевые.

Гарри наклонился вперед.

– А отсюда возникают два очевидных вопроса: каким образом Союз колоний смог создать это технологическое чудо-вище и почему они вообще решили беспокоить себя этой работой?

– По-моему, совершенно ясно: Союз колоний технологически далеко ушел вперед от тех, кто остался на Земле, – сказала Джесси.

– Несомненно, – согласился Гарри. – Но почему? В конце концов, колонисты – это те же люди. И больше того, с тех пор как колонии стали комплектоваться преимущественно жителями беднейших стран, страдающих от перенаселен-

ности, колонисты, как правило, бывают очень плохо образованными. Логично было бы предположить, что, когда они попадают в свои новые дома, им приходится тратить время на обеспечение выживания, а вовсе не на обдумывание наиболее прогрессивных способов строительства подобных сооружений. Да и первичной технологией, позволившей начать межзвездную колонизацию, явился скачковый привод, который был разработан здесь, на Земле, и не претерпел существенных улучшений на протяжении ста с лишним лет. Исходя из этих посылок я не вижу никаких оснований для того, чтобы колонисты могли далеко опередить нас в технологическом плане.

У меня в голове словно соединились два контакта.

– Если только они не жульничают, – сказал я.

Гарри ухмыльнулся.

– Именно. Я думаю как раз об этом.

Джесси посмотрела на меня, потом на Гарри.

– Я что-то не пойму, о чем вы, – пожаловалась она.

– Они обманывают нас, – объяснил я. – Посудите сами: здесь, на Земле, люди закупорены, как в бутылке. Мы можем узнавать что-то лишь своими собственными силами. Ученые постоянно делают открытия и разрабатывают новые технологии, но все это происходит медленно. Зато там...

– Там люди встречаются с различными другими разумными расами, – подхватил Гарри. – Некоторые из них почти наверняка обладают технологиями, намного более продвину-

тыми, чем наши. Мы или покупаем их, или воссоздаем принцип по образцу. Намного легче выяснить, как что-то работает, если у тебя имеется действующий экземпляр этого чего-то, нежели придумать все с самого начала.

– В этом и заключается их мошенничество, – подтвердил я. – СК подглядывает в чью-то тетрадку, а нам выдает чужие открытия за свои собственные.

– Но почему же Союз колоний не делится с нами тем, что узнает? – удивилась Джесси. – Какой смысл им хранить все это для себя?

– Возможно, они думают, что то, чего мы не знаем, не может нам навредить, – предположил я.

– А может быть, все совсем не так, – отозвался Гарри и указал рукой в сторону окна, за которым все так же ползли тросы. – И «стебель», понимаете ли, выстроен не для того, чтобы с удобствами доставлять людей на колониальную станцию. Его сделали потому, что это один из самых трудных, фактически самый дорогой, самый технологически сложный и самый ужасающий механизм. Одно лишь его наличие служит напоминанием о том, что СК на целые световые годы опередил землян во всем и что нам даже нечего пытаться тягаться с ними.

– Я никогда не воспринимала это сооружение как ужасающее, – сказала Джесси. – Если честно, то я вообще никогда не думала о нем.

– А вот если бы вы были президентом Соединенных Шта-

тов, то думали бы по-другому. В конце концов, именно СК держит нас всех на Земле взаперти. Ведь мы осуществляем только те космические путешествия, которые СК позволяет нам: либо отправляясь осваивать колонии, либо вербуясь в их вооруженные силы. На политических лидеров постоянно оказывается сильнейшее давление, от них требуют, чтобы они сломили диктат СК и дали возможность людям летать к звездам. Но «бобовый стебель» служит постоянным напоминанием. Он как бы говорит: пока вы не сможете сделать что-нибудь подобное, даже и не думайте соперничать с нами. А ведь это единственный механизм, который СК нам показал. Приходится только догадываться о том, что они нам не показывают. Уверяю вас, что президент США об этом думает. И наличие этой штуки удерживает и его, и всех остальных лидеров на планете от опрометчивых шагов.

– Все это не вызывает у меня дружественных чувств по отношению к Союзу колоний, – заметила Джесси.

– Но не следует воспринимать это как некий зловещий намек, – ответил Гарри. – Вполне возможно, что СК старается таким образом защитить Землю. Вселенная – просторное место. Возможно, мы живем не в самом лучшем соседстве.

– Гарри, скажите, вы всегда были склонны к паранойе, – поинтересовался я, – или же она развилась у вас с возрастом?

– А как, по-вашему, я смог дожить до семидесяти пяти? – усмехнулся в ответ Гарри. – Но, как бы там ни было, я не считаю технологическую развитость СК проблемой. Она долж-

на сослужить мне добрую службу. Взгляните-ка вот на это, – он поднял руку, – вы видите старую, дряблую конечность довольно неприглядного вида. А Силы самообороны колоний собираются взять эту руку – и остального меня вместе с нею – и отлить из этого утиля нового бойца. И знаете как?

– Нет, – кратко ответил я. Джесси молча покачала головой.

– И я тоже, – сказал Гарри и с довольно громким шлепком уронил руку ладонью вниз на стол. – Я понятия не имею, как они сумеют это сделать. Не могу даже вообразить. Если исходить из предположения, что СК держит нас в состоянии технологического младенчества, то желание объяснить это выльется в попытку растолковать принцип устройства «бобового стебля» человеку, который никогда не имел дела с транспортными средствами сложнее чем телега, запряженная лошадью. Но они, несомненно, способны на это. Иначе зачем бы они вербовали семидесятипятилетних? Вселенную не завоеешь даже целыми легионами больных стариков. Я не хотел никого обидеть, – быстро добавил он.

– Никто из нас и не думал обижаться, – с улыбкой отозвалась Джесси.

– Леди и джентльмен, – торжественно произнес Гарри, посмотрев на нас обоих, – мы, конечно, можем считать, что уже получили некоторое представление о том, во что влипли. Но лично я думаю, что не наткнулись даже на первые, самые предварительные улики. «Бобовый стебель» создан для того,

чтобы сказать нам именно это. А ведь мы лишь в самом начале нашего путешествия. То, что мы увидим потом, будет еще громаднее и еще страннее. Подготовьтесь к этому как можно лучше.

– Чрезвычайно драматично, – сухо бросила Джесси. – Я не представляю себе, как и к чему готовить себя после такого заявления.

– А я представляю, – ответил я и, поднявшись, быстро направился к выходу из кабинки. – Я намереваюсь пойти пописать. Раз уж Вселенная настолько больше и страннее, чем я способен вообразить, лучше встретиться с нею с пустым мочевым пузырем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.